

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

ЭММА РИЧМОНД
**СТРОПТИВАЯ
ЛЮБОВЬ**

Emma Richmond DELIBERATE PROVOCATION

Эмма Ричмонд

Строптивая любовь

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=150819
Оригинал: EmmaRichmond, "Deliberate Provocation"*

Аннотация

Жюстина и Кил – герои повествования – пропадают в необычайную ситуацию: оказываются на острове Мадейра в поисках сводного двоюродного брата Жюстины и делового партнера Кила – Дэвида, который пропал вместе с жизненно важными бумагами. Как складываются их непростые отношения, читатель узнает, прочитав эту увлекательную книгу.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Эмма Ричмонд

Строптивая любовь

Глава 1

Она широко зевнула, чуть было не вывихнув челюсть; ее густые темные ресницы приподнялись, открыв глаза поразительного бледно-лилового цвета. Раз или два моргнув, чтобы прояснилось зрение, Жюстина бессмысленно уставилась перед собой. В лучах солнца, косо пробивающихся сквозь жалюзи, плясали пылинки – эфемерные, сказочные, почти такие же, как и ее мысли. В мозгу ее мелькали картины и образы, разрозненные, как кадры старого фильма, почти не связанные между собой. Она вздохнула, расстроенная и даже обиженная тем, что никак не может вспомнить недавние события. А она была так уверена, что, когда проснется, все встанет на свои места. Переведя взгляд на желтые нарциссы, стоявшие на прикроватной тумбочке, она уставилась на карточку, прислоненную к вазе, будто этот малозначительный предмет мог помочь ей. Хотя, по всей вероятности, это была всего лишь копия больничных правил, а на правила и предписания ей всегда было наплевать. По крайней мере в данный момент. Она попала в автокатастрофу, это она знала точно, но не потому, что вспомнила сама, – ей это ска-

зал доктор. У нее перелом запястья, сотрясение мозга, на теле шрамы и порезы. Банальные фразы из уст медперсонала еще больше раздражали ее: что она начисто не помнит того, что случилось за несколько часов до аварии, и это абсолютно нормально; что ей страшно повезло; что через пару дней она будет в полном порядке. Жюстина терпеть не могла, когда с ней случалось что-то такое, в результате чего она оказывалась неспособной управлять собственной жизнью. Она достаточно сталкивалась с подобными ситуациями в детстве, когда зависела от милостей посторонних людей, от их прихотей. Поэтому она поклялась никогда больше не позволять себе оказываться в таком положении. Чтобы в этом мире выжить, надо быть сильной.

Нетерпеливо тряхнув головой, она вернулась к своим проблемам. Ради всего святого, что она делала в машине своего двоюродного брата Дэвида? Одолжила она ее, что ли? А зачем ей это было нужно, ведь у нее есть своя машина. Раздраженно откинув длинные прямые каштановые волосы, в беспорядке разметавшиеся по плечам, она с неприязнью бросила взгляд на гипс, притягивающий руку к постели. Какого черта, как ей управляться с этой загипсованной рукой?

Услышав, что дверь отворяется, она повернула голову, обрадовавшись, что ее отвлекли от тяжелых раздумий. Но тут же встревоженно застонала, увидев вошедшего человека. Надеяться на то, что он больше не вернется, было бы слишком, подумалось ей. Она не была уверена, что у нее еще остались

силы для каких-либо споров, а уж споры будут, это точно, потому что этому типу всегда, ну абсолютно всегда, удавалось вывести ее из себя.

– Вспомнила? – без обиняков спросил он.

– Нет, не вспомнила, – ответила она коротко и взглянула его глаза цвета морской волны, холодные и глубокие, как фьорды страны его предков, – и ты теряешь время, если опять решил допрашивать меня. Сейчас ответить на вопрос, почему я была в машине Дэвида, я могу не яснее, чем утром. Может, я ее одолжила?

– Зачем тебе было ее одалживать?

– Откуда мне знать? Если бы знала, я бы сказала тебе, поверь мне!

И она бы это сделала, хотя бы затем, чтобы избавиться от него. Утром он ворвался к ней строевым шагом, эдакий древнескандинавский бог, только что спрыгнувший с носа ладьи викингов, для которого что изнасилование, что грабеж – одинаково обыденные явления. Утром они прошли через столь же бессмысленный лабиринт вопросов и ответов, как и теперь, с той лишь разницей, что во время утреннего допроса она заснула, чем, естественно, повергла его в ярость. Чувствуя раздражение и некоторую потерянность, она капризно добавила:

– И перестань маячить перед глазами, меня это нервирует.

– Тебя нервирует все, – ответил он, как бы подводя черту.

Слишком хорошо зная, что отрицать его слова бесполез-

но, она язвительно согласилась:

– Как это верно.

Выражение его лица, словно высеченного из камня, не могло скрыть его антипатии к ней. Уставившись на нее, он скомандовал:

– Думай!

– Я и думаю! Думаю с тех пор, как ты сюда ворвался, ничем другим и не занимаюсь!

– Ну и?..

– И ничего! А твой тон, твоя манера командовать мной, словно одного твоего приказа достаточно, чтобы я вспомнила, – это гарантия, что я поступлю как раз наоборот!

Он подошел к окну и, наклонившись, стал вглядываться сквозь жалюзи.

– Каким бы тоном я ни говорил, ты все равно не пойдешь мне навстречу.

Да, это, видимо, правда, устало подумала она: он действовал ей на нервы. Умница, очень не простой, абсолютно лишенный чувства жалости; и единственно возможный способ общения с ним – быть такой же напористой, как он; надо подавить в себе слабость, чтобы он не мог помыкать тобой. Закрыв глаза, она сделала нечеловеческое усилие, чтобы не замечать его раздражающее присутствие. К сожалению, ей это не удалось, лишь напряжение возросло так, что хоть ножом режь, его жизненная энергия, казалось, выжимала из нее жалкие остатки сил.

– Ты думаешь, я не имею права расспрашивать тебя? – спросил он устало. – А Катя? – Его голос резал слух, слова, произносимые им, казалось, были ему незнакомы или оставляли у него во рту неприятный привкус. Они рашпилом проходились по ее нервам, все больше раздражая ее. Она никак не могла придумать, чем бы его смягчить, отвлечь от выбранного им курса. Полицейским бы ему быть, решила она желчно. Наполовину норвежец, чемпион по лыжам, конструктор и строитель лодок, член правления нескольких морских инженерных компаний, владетельных и преуспевающих. Она ненавидела этого высокомерного гиганта. Настолько же, насколько и он ее. Как-то он сказал, что она агрессивна и неженственна. Агрессивна – это уж точно; да еще и прямолинейная, сильная, потому что таковой ей приходилось быть, но – «неженственна»? Признаться, ей нравилось всегда идти своим путем, и вообще она была уверена в себе. К сожалению, они должны были время от времени встречаться, так как его сестра Катя была замужем за ее двоюродным братом Дэвидом. Но это вовсе не означало, что она обязана его любить.

Дэвиду он тоже не нравился, размышляла она задумчиво, разглядывая его широкую спину. Да это и неудивительно. Кил Линдстрем и Дэвид Нотон были совершенно не похожи друг на друга: надменный и уверенный в себе Кил и мягкий, мечтательный Дэвид.

– Слушай, – начал он снова, явно стараясь держать себя

в руках, хотя его лицо выражало сильное желание ее встряхнуть. – Тебя нашли меньше чем в миле от Гэтвика...

– Мне отлично известно, где меня нашли, – язвительно прервала его Жюстина. – И тебе ничего не удастся выяснить, если ты будешь все время повторять одно и то же. Доктор сказал, что я могу вообще ничего не вспомнить...

– О, потрясающе! Сегодня вторник, а найти Дэвида мне надо до следующего понедельника. Он твой двоюродный брат...

– Сводный двоюродный брат, – поправила она его автоматически.

– Сводный двоюродный брат, – согласился он сквозь зубы, – но, кроме матери, ты его единственная родственница, так ведь?

– Ты это прекрасно знаешь. И я никак не могу взять в толк, что тебе даст выяснение наших родственных связей!

– Ничего не даст, если ты не прекратишь меня прерывать! – Он сделал глубокий вдох прежде, чем продолжить, явно сдерживая гнев, что, впрочем, ему плохо удалось. – Итак, ты единственная, кто знает, где он находится. – Так как Жюстина ничего не ответила, он проскрежетал: – Ну, и где же он?

– Понятия не имею. Не знаю! Я действительно ничего не помню. Меня нашли возле его машины – вот все, что мне известно. Видимо, произошла катастрофа, – добавила она медленно, сама в ярости оттого, что никак не могла припомнить

что-нибудь о Дэвиде или о своем пребывании в его машине. С трудом пытаюсь воссоединить ускользающие обрывки памяти, она взглянула на Кила. Он глубоко вздохнул. – Слушай, у меня уже были полицейские и требовали показаний. Так почему же, не понимаю, ты думаешь, что для тебя я могу вспомнить то, что не смогла для них?

– А ты не можешь?

– Нет. Знаю только, что у какой-то другой машины лопнула шина, водитель потерял контроль над управлением. Этот автомобиль на полной скорости пересек дорогу, врезался мне в заднее крыло, и я очутилась в кювете. Только я этого ничего не помню, ну ни малейшего представления не имею. Прости, но я ничем не могу тебе помочь. Я бы хотела, – добавила она с благоразумием, так действующим ему на нервы, – но... не могу.

С досады Кил издал какой-то горловой звук и в бессилии ударил кулаком в стену. Плечи его сгорбились, и он, раздраженно раздвинув планки жалюзи, уставился вниз, в больничный двор. Яркие солнечные лучи больно ударили Жюстину по глазам, и она недовольно вздохнула. Прежде чем опустить створку. Кил нехотя извинился.

– Ну ладно, куда он в принципе мог бы поехать? – спросил он с поразительным терпением, прислонившись к стене. – Куда он исчезал раньше, ну есть у него какая-нибудь потайная хата или что-нибудь в этом роде? Да Господи Боже мой, должна же ты о нем хоть что-нибудь знать!

– А я тем не менее не знаю, – мрачно отрезала Жюстина. – И кстати, почему ты должен найти его до следующего понедельника?

– Да потому, – его терпение уже было на исходе, – что, когда Дэвид умчался из конторы, он случайно прихватил с собой кое-какие чертежи, а они в понедельник должны быть представлены нашим подрядчикам!

– А, – протянула она безразлично, – мне очень жаль, но я тебе в этом не помощница. Порасспрашивай свою сестрицу; может, она в курсе, где он. – Не дури! Если бы она была в курсе, меня бы здесь и в помине не было, согласна со мной? Да и как бы то ни было, она-то о нем узнала бы в последнюю очередь.

– Но почему? – Она пришла в замешательство.

– Перестань играть со мной, Жюстина! Я все знаю!

– Что ты знаешь?

На его суровом лице появилось выражение отчужденности и неприязни, и он процедил:

– Дэвид оставил ей записку.

– Ну и что?

– О, ради Бога! Долго мы будем играть в кошки-мышки? В записке он ей написал, что вы уезжаете вместе!

– Что?! – От потрясения Жюстина села в постели. – Не смейся меня! С чего бы это нам с Дэвидом куда-то вместе ехать?

– Откуда мне знать, черт побери! Да сама идея, что он за-

хотел сделать тебя своей любовницей, не поддается объяснению!

– Его любовницей? Вот вздор! Ну не будь же ты так чертовски груб!

– Груб? Да я бы тебя убил! – яростно проскрежетал Кил. – Ты самая эгоистичная и аморальная маленькая дрянь, которую я когда-либо имел несчастье встретить на своем пути! Ты берешь все, что захочешь! Люди ничего для тебя не значат! Ты используешь их, а потом губишь!

Глаза Жюстины широко раскрылись, челюсть отвисла, и лишь крайнее изумление позволило ей остаться непреклонной. Она знала, что он ее не любит. Но назвать ее аморальной... сказать, что она губит людей...

– Кого это я погубила? – спросила она слабым голосом.

– О Господи! Только не говори, что ты и этого не помнишь! Катю! взорвался он. – Мою сестру! Бездушно воспользовалась ее гостеприимством, а потом испортила ей репутацию!

– Когда? – Она была искренне изумлена. – Ничего подобного не было.

Он подошел к ее кровати, прижав к бокам свои мощные руки.

– Ты приняла прошлым летом ее приглашение погостить у нее в отеле в Норвегии, да или нет?

– Ну да...

– Она попросила тебя проверить условия содержания оте-

ля и, если ты сочла бы их приемлемыми, свести ее с твоими людьми в туристическом бизнесе. Так?

– Да, но...

– А затем ты начала систематически вредить ей?

– Не делала я этого, – возразила она с раздражением в голосе. – Кто это тебе сказал? Катя? Если так, то она еще большая дура, чем я думала! Она спросила мое мнение, я ей его и высказала. Как это могло навредить ей?

– Ты пустила слухок о том, что ее отель непригоден даже для самых неприхотливых клиентов!

– Я не говорила этого! Боже мой, хорошего же ты мнения обо мне! – Язвительный разбор, которому он подверг ее, задел самолюбие Жюстины значительно сильнее, чем она ожидала.

Она устало откинулась на подушки.

– Отель не приносил дохода, – спокойно произнесла она. – Катя попросила дать ей совет. Я его дала. Я сказала ей правду, потому что и она и Дэвид мне нравились и мне не хотелось, чтобы они потерпели большие убытки, чем те, какие у них уже были. Чтобы управлять гостиницей, надо иметь жесткий характер, быть деловым, полным энергии человеком. И еще надо уметь быть безжалостным. Если персонал никуда не годится, его следует уволить. Ну а Дэвид и Катя чудесные люди, но уж никак не безжалостные. Они оба – мечтатели, и не надо мне говорить, что это не так, – быстро произнесла она, заметив, что Кил, видимо из чувства противо-

речия, открыл было рот, – и у тебя воистину в голове ветер, если ты считаешь ее способной управлять подобным заведением! Вот ты деловой человек, сам-то ты порекомендовал бы кому-нибудь эту гостиницу? Состоятельным, скучающим людям, у которых куча денег и свободного времени? О, не всем, конечно, уточнила Жюстина, поняв, что переборщи-ла, начав судить о людях по их состоянию и положению в обществе, – только некоторым. Большинство из них, наверное, люди порядочные, но не все. А за ту плату, что она брала за отдых в своем отеле, постояльцы, естественно, желали иметь самое лучшее обслуживание. Надо было угождать их желаниям, удовлетворять любую их прихоть, чего ни Катя, ни Дэвид делать были не в состоянии. При первом же проявлении недовольства оба они впадали в панику. Ведь стоит только кому-нибудь сказать твоей сестре грубое слово или недооценить обстановку в номере, как она тут же заливается слезами. Что, не так? – В ее голосе появились требовательные нотки. – Вот поэтому-то гостиница и стала убыточной. Не потому, что я что-то не так сказала или сделала, просто начали поступать жалобы от клиентов. Стали поговаривать, что дела в отеле ведутся неважно. Это не я распускала слухи, напротив, я старалась помочь развитию их дела, пойдя против своего здравого смысла, но все-таки старалась, и, если бы она меня послушалась и наняла хорошего управляющего, мне бы удалось повысить ставки отеля! Но она моим советам не вняла, заявила, что хочет сама всем заправлять. Ну я

и предложила ей умерить свои запросы, снизить цены, принимать семьи и простых туристов, добропорядочных людей среднего возраста, желающих отдохнуть от забот и хорошо провести время. Но все это было не по ней. В конце концов ей пришлось продать заведение, как я и предсказывала. А что до того, что я ее погубила, это просто верх нелепости. На продаже отеля она только выиграла в деньгах. Ведь так, выиграла? Ах, думай как хочешь, – проговорила она под конец; переубедить его было невозможно, и, что бы он ни думал, он был бы прав. Доводы Жюстины не были эгоистичными; к тому же, оправдывая себя в его глазах, она потратила массу времени и сил, которых у нее было в обрез.

– Речь не о деньгах! Речь о том, что ты разрушила ее уверенность в себе!

– Да у нее этой уверенности никогда и не было.

– Конечно, благодаря тебе!

– Ой, не будь занудой! Это ты рушишь ее веру в собственные силы. Ты, могущественный Кил Линдстрем, который может абсолютно все...

– Что не меняет существа вопроса, – отпарировал он резко, – а именно: отказ от идеи содержать гостиницу и отсюда вынужденная работа Дэвида на верфи, которую он терпеть не может и к которой совершенно не приспособлен!

– Ему вовсе не обязательно было заниматься этим делом! Катя достаточно богата!

– Да, но, если содержать мужиков на свой счет в твоём

стиле, это еще не значит, что Катя того же мнения! И что бы я ни думал о Дэвиде, у него по крайней мере есть гордость! Итак, где он?

– Не знаю! – завопила Жюстина. – Сколько раз тебе повторять?

– Должна знать! – Кил тоже заорал, но, осознав, что потерял над собой контроль, постарался взять себя в руки. Отшатнувшись от нее, он в сердцах пнул ногой стульчик в углу палаты. – Как все просто для тебя, правда? Идешь по жизни своим путем, походя приносишь боль людям, ничтожным маленьким людишкам, которые для тебя ничего не значат. Ну а для меня Катя и Джон значат очень много.

– Джон? – устало спросила она. – Это еще кто?

– Джон Кендрик, – пояснил он нетерпеливо. – Ему принадлежит вторая половина верфи, которую твой дядя оставил Дэвиду. И за время отсутствия Дэвида, – добавил он с досадой, – Джон сделал ее преуспевающей. Как только Дэвид берется за дело, все разваливается на куски.

– Ну, это уж не моя вина!

– Я этого и не говорил!

– Говорил, ты сказал, что...

– О, заткнись!

– Через несколько минут, мисс Хардести, вашему жениху следует уйти. Подавшись вперед от изумления, Жюстина уставилась на маленькую сестру-китайнку. Она даже не слышала, как та вошла!

– Жениху? – повторила Жюстина, в растерянности глядя на своего мучителя.

– Что же еще я ей должен был сказать? – спросил он, сварливо передернув плечами. – Сегодня утром со мной тут была Катя, она плакала, вокруг нее все суетились, и меня бы к тебе не пропустили, если бы я не назвался твоим женихом.

– М-да, эта ложь не больно-то ее успокоила, правда? Тем более что она считает, что у меня виды на Дэвида. Сперва я якобы отняла у нее мужа, затем и брата. Я до сих пор не могу взять в толк, как кто-либо в здравом уме может подумать, что я могла сделать его своим любовником! Она наверняка не так поняла его записку.

– Она ее правильно поняла! Там было ясно написано... Ну, что...

– Что? – мило поинтересовалась Жюстина.

Вконец раздосадованный, он отвернулся от нее и провел рукой по густым, довольно лохматым волосам цвета спелой пшеницы.

– Пора подстричься, – автоматически проговорила она.

Отпрянув, он посмотрел на нее как на сумасшедшую и выпалил:

– Сам знаю, что пора! У меня не было на это времени! Я был на испытаниях лодки, когда позвонил Джон и сообщил о том, что Дэвид исчез вместе с чертежами, а тут еще Катя с ее истериками по этому поводу. У меня не было времени ни переодеться, ни принять душ, ни еще на что другое! Как

только я узнал об автомобильной аварии и разыскал больницу, в которой ты лежишь, я сразу же примчался сюда и нашел здесь Катю...

– И в паузе между ее рыданиями ты решил сказать первое, что пришло тебе в голову? Надеюсь, она тебе не поверила, – злобно добавила она.

– Не будь смешной. Так или иначе. Катя верит в то, во что сама желает верить. Она не такая, как ты, не такая сильная, надменная.

– О, не начинай все сначала. Да я и не надменная вовсе.

– Ха, скажи еще, что ты – невинная виноградная лоза с прелестным характером!

– Этого я не скажу, потому что мы оба знаем, что это не так, но я-то, черт возьми, не стала бы выть да рыдать, если бы мой муж удрал с другой женщиной.

– Уж конечно, не стала бы, ты бы задушила либо его, либо эту женщину.

– Вовсе необязательно, – раздумывая над таким ходом, произнесла Жюстина. – По всей вероятности, я бы вышла из игры. Если мужчина изменил единожды, можно дать голову на отсечение, что он будет изменять и в дальнейшем.

– А мужчина, если он такой идиот, чтобы влюбиться в тебя, должен двадцать четыре часа в сутки доказывать свою неземную любовь, – прокомментировал Кил язвительно.

– Тебе-то об этом не стоит волноваться! – парировала она. – Ты даже не понимаешь, что значит любить. А обмен

оскорблениями со мной ничуть не поможет тебе в розысках Дэвида! Что конкретно было в записке?

— О, не знаю, — отмахнулся он устало. — В руки Катя мне ее не дала, сказала только, что он уезжает, что ему нужно время все обдумать. Она не очень ясно излагала, повторяла, что надо поехать к тебе, что ты не представляешь особой опасности для мужчины.

— Смею надеяться, что действительно не представляю, — согласилась она мягко. — Мужчины думают, что им угрожает опасность, только если женщина им небезразлична. А уж поверь мне, Дэвид ничего подобного ко мне не испытывает.

— А почему же в таком случае вы были вместе?

— Я не знаю, — призналась Жюстина с тревогой в голосе. — Я действительно не знаю.

— Итак, мы вернулись к тому, с чего начали.

— Да. Я не помню даже, чтобы я виделась с ним! — озадаченно воскликнула она. — Мне кажется, что я не встречалась с ним с Рождества, мы тогда немного выпили в Кокни-прайд. Последнее, что я припоминаю, — это то, что я готовила воскресный обед; и я так же, как и ты, теряюсь в догадках, к чему бы мне вдруг прерывать это занятие и ни с того ни с сего уезжать куда-то с Дэвидом. Промежуток времени между часом дня, когда я варила обед, и одиннадцатью вечера, когда меня нашли возле машины Дэвида, остается для меня полным провалом. — Она усиленно вспоминала, напрягая свой мозг в поисках ответа. Почему? Что это за необычайная при-

чина заставила ее броситься куда-то с ним посреди приготовления обеда? Вздохнув, она мрачно окинула взглядом своего гостя, который, прислонившись широким плечом к оконному переплету, смотрел сквозь планки жалюзи во двор. Зеленый рыбацкий свитер плотной вязки гладко обволакивал массивную спину; облегающие джинсы, затертые до колен, подчеркивали мощные бедра. Бедра лыжника. Длинные, мускулистые ноги, без труда несущие его на лыжных перегонах. Зоркие глаза, привыкшие вглядываться в далекий горизонт.

– Ну, Жюстина, куда бы он мог направиться? – продолжил он с величайшим терпением. – Может, у него есть где-нибудь коттедж? Есть? – У Кила проснулась надежда, так как она внезапно задумалась.

Пытаясь поймать неуловимый всплеск памяти, она наморщила лоб и медленно проговорила:

– Мадейра.

– Мадейра? – в изумлении воскликнул он. – Какого черта ему делать на Мадейре?

Она вышла из себя:

– Знаешь, и туда люди ездят!

– Естественно. Я просто хотел сказать, что это не то место, куда бы мог поехать Дэвид. По крайней мере добровольно.

– Но тем не менее это так и есть. И он бывал там раньше. Жил на вилле какого-то своего приятеля. О, это было очень давно, вечность назад, еще до того, как он встретил Катю. Он ездил туда рисовать...

– Рисовать?

– Да, писать картины! И, пожалуйста, прекрати повторять за мной каждое слово! – взорвалась Жюстина.

– Мне не было бы нужды ничего повторять, если бы ты последовательно излагала события!

– Да как же мне последовательно излагать, если я только сейчас это вспомнила?

– Из-за твоей чертовой памяти целый день потерян... Где телефон? рывкнул вдруг Кил.

– Откуда же мне знать?

Недовольно окинув взглядом палату, как будто телефон мог тут же материализоваться сам по себе, он направился к двери.

– Жди здесь, – бросил он через плечо.

Интересно, куда бы я могла направиться со сломанной кистью и сотрясением мозга? Обиженно вздохнув, она прикрыла глаза. У нее ужасно разболелась голова, казалось, в черепе резвится целая армия эльфов и каждый из них стучит огромным молотком; да и рука причиняла боль. Сестра ей сказала «отдыхайте», а какой тут к дьяволу отдых, когда этот древнескандинавский бог-истукан постоянно донимает ее? И как это только получилось, что у мягкой, нежной Кати такой не похожий на нее брат? Этого Жюстина не могла взять в толк.

– Итак, мы установили, что он уехал на Мадейру, – констатировал Кил, снова врываясь в палату. – Его фамилия зна-

чится в списке пассажиров, отлетавших в воскресенье.

– Отлично, – саркастически заметила она. – Рада, что мы хоть что-то установили. Теперь ты можешь заказать себе билет и наконец оставить меня в покое. И, пожалуйста, будь так добр, когда будешь уходить, объясни сестре, что наша помолвка расторгнута.

Не получив в ответ новой колкости, она бросила на него выразительный взгляд. Он оценивающе смотрел на нее, склонив голову набок.

– Что ты на меня уставился? – воскликнула она раздраженно. – Пытаюсь понять, бываешь ли ты хоть когда-нибудь мягкой. – Это тебе зачем?

Протяжно вздохнув, он признался:

– Понятия не имею.

– Я надеюсь, – сказала она, в замешательстве покачивая головой, – тебе удастся вернуть назад ваши чертежи и Катя с восторгом примет в объятия своего дорогого муженька, хоть я и не могу понять, чего она так волнуется по этому поводу. Если он сказал, что ему требуется неделя-другая, чтобы разобраться в себе, почему она не хочет дать ему это время? Оставим на минутку чертежи. Если насильно заставить его вернуться, он от этого более сговорчивым и любящим не станет.

– А следовало бы стать, – сказал он мрачно.

– Это почему?

– Потому что она беременна.

С изумлением глядя на него, она почувствовала, как губы ее дрогнули в улыбке.

– В этом нет ничего смешного! – рявкнул он.

– Конечно, нет.

– Тогда прекрати смеяться, черт возьми!

– Достала она тебя?

– Да уж.

– Гм... – Тогда неудивительно, что он так заряжен ненавистью. Раз ему пришлось иметь дело с Катиными истериками, да еще, наверное, с утренними недомоганиями, вполне понятно, что он был совершенно не в себе. – Что, ее тошнит? – спросила она противным голосом.

– Да! Можно подумать, она единственная в мире женщина в таком положении!

– Женщины часто бывают подвержены разным страхам и капризам, – мягко поддразнила она его и усмехнулась, потому что он тут же взорвался.

– Тебе-то откуда знать? Ты же никогда не была беременна! Или была?

– Нет, не была.

– И, похоже, никогда не будешь, – добавил он с неприязнью.

– А Дэвид об этом знает? – нахмурившись, спросила Жюстина. – И поэтому он сбежал?

Кил замер, пораженный, как будто эта мысль раньше не приходила ему в голову, лицо его стало жестким, в темно-зе-

ленных глазах блеснул мстительный огонек.

– Лучше бы это было не так.

В который раз пожалев, общаясь с этим человеком, что она не в состоянии держать свои мысли при себе, Жюстина торопливо переменяла тему разговора.

– Сколько копий снято с чертежей?

– Что?

– Ты сказал, что он исчез с документами, ну, я и подумала, должны же остаться копии чер... – она осеклась и, правильно истолковав выражение его лица, озорно улыбнулась, подтрунивая: – Ой-ой, так это ты не сделал копии? Ты?

– Да, я не сделал их! – Он взорвался. – Джон только что закончил окончательную доработку чертежей и мы собирались снять фотокопии, как появился Дэвид. – Он свирепо посмотрел на нее, словно это она была виной всему, затем покопался в заднем кармане брюк и вытащил грязный клочок бумаги и карандаш. – Ладно. Адрес?

– Что? – не поняла Жюстина.

– Адрес, – повторил он нетерпеливо. – Как я его, черт возьми, найду без адреса?

Непонимающе взглянув на Кила, она состроила гримаску.

– О Боже, – выдавил он в отчаянии. – Должен же у тебя быть адрес!

– У меня его нет.

– Хорошо, тогда имя парня, владельца той виллы... О, ради всего святого, ты ведь знаешь его имя?

На мгновение ей стало действительно его жаль. Казалось, он находится на грани срыва.

– Ты была там? – хватаясь за соломинку, спросил Кил.

– Один раз, – подтвердила она, – но это было очень давно, когда у Дэвида случился очередной приступ донкихотства. У меня тогда был ужасный грипп, и он взял меня с собой, чтобы я окончательно поправилась, и... нет, не спрашивай, я не помню, где это находится.

– Ты должна помнить! – воскликнул он в отчаянии.

– А я не помню. – Кил-то наверняка был из породы тех, кому стоит только раз где-то побывать, и это место навечно фиксируется в их памяти. – Ты говоришь, это вилла?

– Да.

– Ну вот.

– В каком смысле «ну вот»? Знаешь, сколько вилл на том острове? воскликнула Жюстина. – Десятки тысяч! Не могу же я просто описать ее, и ты ее сразу найдешь! Это же как иголку в стоге сена искать!

– Вполне возможно, – учтиво согласился Кил, – но у нас есть шанс найти эту иголку, если ты будешь со мной.

– О нет, на Мадейру я ни в коем случае не полечу...

– Жюстина, – мягко прервал он ее.

– Нет, – ответила она холодно.

– Да. Медсестра сказала, что нет ни малейшего повода задерживать тебя в больнице. Тебе только нельзя волноваться.

– Не волноваться? Мчаться куда-то на Мадейру, по-твое-

му, означает не волноваться?

– Безусловно. В любом случае выбора нет. Джону эти чертежи необходимы. Сам он не может гоняться за ними, бросив свою верфь. Значит, заниматься этим должен я. И ты, – добавил он медовым голосом. – Сейчас у меня нет никаких срочных дел. Думаю, мы без хлопот доберемся до Лиссабона, а там уж наверняка есть какое-нибудь челночное сообщение с Фуншалом. Пойду скажу сестре, что ты готова покинуть больницу.

– Я совершенно не готова! – вознегодовала она.

– Ошибаешься, готова, – тихим противным голосом произнес он. – Сейчас мы отправляемся к тебе домой за вещами, а потом в мой дом под Саутгемптоном...

– Нет, – отчеканила Жюстина. – Какое ты имеешь право заставлять меня лететь на Мадейру?

Облокотившись о спинку кровати, он изобразил на лице улыбку Чеширского кота.

– Потому что ты у них в долгу.

– В долгу? – в изумлении переспросила она. – Что я им должна?

– Неужели ты ничуть не чувствуешь себя морально обязанной перед ними? Ты с легкостью погубила их гостиничное дело, что вынудило Дэвида заняться строительством яхт, а он ненавидит это занятие и совершенно в нем не заинтересован...

– Я этого не делала!

– ...а теперь палец о палец не хочешь ударить, чтобы они не потеряли очень выгодный контракт.

– Я не губила их дело! Они были слишком честолюбивы, и я просто сказала им об этом! И я не нянька ему! Дэвид, слава Богу, взрослый человек, и если он в своем возрасте не может управляться сам со своими делами... Кроме всего прочего, он мне даже не родственник! Не кровный родственник по крайней мере!

– Не вдавайся в подробности. Какими бы дальними ни были ваши родственные связи, факт остается фактом – он взял чужие документы.

– Но ты же сам сказал, что он их взял без умысла...

– Какая разница? И если ты ничем не обязана ему, как же быть с Маргарет? Разве она думала о родственных связях, взяв тебя в свой дом, когда погибли твои родители?

– О, черт тебя побери! Убирайся отсюда!

Победно глянув на нее, он направился к двери, с издевкой бросив через плечо:

– Сейчас пришло сестру. Собирайся побыстрее, хорошо? И не пытайся скрыться, я все равно найду тебя. Поверь мне – найду.

Жюстина ни секунды в этом не сомневалась. Бессильно откинувшись на подушки, она проводила его взглядом. Кил прав насчет тети Маргарет: если она не поможет ей найти ее драгоценного Дэвида, больше они не увидятся. Когда пятнадцать лет назад в авиационной катастрофе погибли родители

Жюстины, она переехала в дом брата матери. Тома Нотона, незадолго перед этим женившегося на Маргарет, которую он взял с сыном от первого брака – Дэвидом. Ему было тогда четырнадцать лет, на два года больше, чем Жюстине. Таким образом, Том Нотон, закоренелый холостяк, вдруг стал женатым мужчиной сразу с двумя детьми. К сожалению, через два года он скончался, оставив детей на попечение Маргарет. Ей нелегко это давалось, и Жюстина была ей благодарна: она одевала и обувала девочку, – но вот любви и взаимопонимания между ними практически не возникло. И теперь Жюстине было трудно проявлять любовь к женщине, которая все свои материнские чувства изливала только на родного сына.

Кил назвал ее жесткой, агрессивной, но нет, она не была такой. В душе она все еще оставалась легкоранимым ребенком, столь нуждающимся в ласке и поощрении. Ей нужно было самоутвердиться, чтобы достичь успеха. В юности она была вынуждена быть сильной, иначе сломалась бы. А теперь, с грустью подумала она, нет необходимости притворяться – она действительно стала сильной. Будь ее родители живы, она, возможно, была бы совсем другой. Но если приходится бороться за место под солнцем, в этой борьбе нужно мириться и с кое-какими потерями. А разве гордиться своими успехами «неженственно»? Или плохо, что ты крепко стоишь на собственных ногах и выигрываешь в этой жизни? На секунду Жюстину охватила волна жалости к себе – к ней никогда не придут любящие родители, чтобы успокоить ее.

И подружки не впорхнут в палату со своими шуточками и не черкнут что-нибудь веселенькое на ее гипсе. Дура, обругала она себя, неужели годы, прожитые с тетей Маргарет, так и не научили тебя, что жалеть себя просто глупо!

С отвращением к собственной слабости она отбросила горькие мысли о прошлом и сосредоточилась на настоящем. С загипсованной рукой она ничего не сможет сделать. Она усмехнулась. Это мягко сказано! Где это видано игрок в гольф в гипсе? Черт возьми, она же должна участвовать в турнире по гольфу в конце недели в Нормандии! Надо найти себе замену. Кого же? Питера? Да, Питер – лучшая кандидатура. Он может не только отыграть в турнире, но и проверить отель. И если представится возможность, можно будет включить его в сеть первоклассных отелей для любителей гольфа. Компания Жюстины была небольшой, но дела в ней, слава Богу, шли прекрасно. Все номера на этот год уже заказаны... Лорейн, ее секретарша, великолепно справлялась со своими обязанностями. Да, Питеру надо приглядеться к этой французской гостинице... Сжав губы, она вся ушла в себя, мысленно обдумывая свои дела.

– Ты еще не готова? – рассердился Кил, входя в палату.

– Что? Нет еще. Серьезно, Кил, вся эта затея – какая-то ерунда! Мадейра большой остров и...

– И из этого следует, что, чем быстрее мы отправимся, тем скорее приступим к поискам!

Откинув одеяло, она с раздражением проворчала:

– Я, кажется, всю свою жизнь только тем и занималась, что вытаскивала Дэвида из всяких передраг. Пора бы уж ему встать на ноги.

Но если Катя беременна и эти чертежи необходимо вернуть... О черт, неудобная штука – совесть. Если она не поможет в поисках бумаг и Дэвида, она навсегда останется в глазах Кила жестокой и бесчувственной. А туг еще Маргарет уехала в Австралию, именно сейчас, когда она нужна здесь. Чертова баба, наверняка сделала это специально!

Глава 2

– Ну ладно, проваливай! Не одеваться же мне при тебе!

С раздражением взглянув на нее, Кил вышел, вежливо пропустив в дверях входящую медсестру.

– Не очень-то удачная затея, – мрачно сказала ей Жюстина.

– Попросить его прийти завтра? – задиристо спросила сестра.

– Да!

– Это не сработает...

– Сама знаю! Может, надо, чтобы меня посмотрел доктор перед выпиской?

– Доктор говорит, что все в порядке...

– Ах, вот как, – сказала она с отвращением. – Но я же больна, черт побери!

Сестра, хихикнув, протянула ей две белые таблетки.

– Что это?

– Болеутоляющее. Вот, запейте их. – Она протянула Жюстине стакан воды и стала вынимать вещи из шкафчика.

С неимоверными усилиями Жюстина влезла в джинсы и свитер, в которых она была во время катастрофы. От этой процедуры она вконец обессилела. И пока сестра обувала ее, она вяло сидела на краю кровати.

– Не понимаю, почему у вас такое плохое настроение. Я,

например, была бы счастлива, если бы такой парень на меня глаз положил.

– Парень? – рассмеялась Жюстина. – Да этот человек страдает манией величия, он бы тебе сразу разонравился, если бы ты услышала, что он намерен делать.

– Что же? – Глаза сестры заблестели.

– Он тащит меня на Мадейру!

– Вот счастливая!

– Я счастливая? В моем состоянии?

– С вами будет все в порядке. Похоже, он умеет ухаживать за женщинами.

– Как раз это на него абсолютно не похоже. С большей радостью он столкнул бы меня в пропасть! – Она взяла протянутую ей сумку и баночку с болеутоляющими пилюлями, обдумывая то, что она только что услышала. Умеет ухаживать за женщинами? Кил? Это, наверное, Шутка! Он не знает даже, с чего начать.

Когда Кил, все еще нахмуренный, вернулся, она постаралась взглянуть на него бесстрастно. Похож ли он на человека, умеющего ухаживать за женщинами? Нет, решила она, не похож. Он похож на жесткого, нетерпеливого, надменного властелина.

– Готова?

– Нет. – Обдав его сладким взглядом, она поднялась с кровати и, фыркнув, последовала за ним. В регистратуре ей дали синюю карточку, где был обозначен день ее следующего

визита к врачу.

– Приходите через две недели для проверки гипса. Если почувствуете головокружение или тошноту, придите раньше или обратитесь к своему доктору. Машину водить вам нельзя... о, извините, вы ведь еще не в состоянии управлять автомобилем, не правда ли? – спросила сестра, глядя на ее загипсованную руку. Улыбка, которой она одарила Кила, была намного теплее той, что предназначалась Жюстине.

Фыркнув еще раз, Жюстина прошла с Килом к его машине. Она с неприязнью оглядела спортивную модель, длинную, элегантную, в зеленых тонах (наверняка под цвет глаз подобрана, цинично подумалось ей). Жюстина села с ним рядом. Отказавшись от его помощи, она пристегнула ремни и откинулась на сиденье. Ну и дела... Она, видимо, окончательно спятила. Взявшись за ключ зажигания, он ровным голосом обратился к ней:

– Все можно сделать легко и просто, а можно и наоборот. В борьбе характеров я для тебя хороший соперник: могу отвечать на оскорбление оскорблением – и выйду победителем. Мне нужна твоя помощь, и ты можешь оказать мне ее либо неохотно, либо от чистого сердца. Не сделай ошибки, Жюстина, и в том, и в другом случае я добьюсь своего. – И, не дожидаясь ответа, он включил зажигание.

Пододнок, внутренне взбунтовалась она. Помогала бы ему, будь он мягче, сердечнее. Но его ни разу не заинтересовало, что происходит у нее в душе. Впрочем, в одном он прав:

он выйдет победителем. Он всегда был им, и если на каждом шагу устраивать ему сцены, то ей уготована роль усталой неудачницы с пошатнувшимися нервами. Но как же ненавистна ей была сама мысль, что он возьмет верх над нею!

Уже через несколько минут они были в ее квартире. Жюстина прошла на кухню и в замешательстве замерла. Она была абсолютно уверена, что найдет там беспорядок, оставшийся после прерванного приготовления обеда. Но кухня была безупречно чистой. Нахмурившись, она отправилась в гостиную. – В чем дело? – коротко спросил он.

Она повернулась к нему и неуверенно произнесла:

– Почему же я помню, только как готовила обед? Если я после этого прибралась – что, видимо, и сделала, – должно же это остаться у меня в памяти?

– Откуда мне знать? Я не врач. Может, наконец начнешь собираться? И не забудь свой паспорт.

Она прошла в спальню, не слушая его и все еще удивляясь тому идеальному порядку, который царил в квартире. Достав из шкафа небольшой чемодан, она побросала в него кое-какие вещи и вернулась в гостиную.

– Хорошо. Газ отключила? А электричество?

– Что?.. Нет, сейчас все сделаю. Кстати, мне надо кое-кому позвонить.

– Позвонишь из моего дома.

– Да нет, мне надо позвонить прямо сейчас. – Она плюхнулась в кресло рядом с телефоном, схватила трубку и, не

обращая внимания на нетерпеливые вздохи Кила, удостоверилась, что есть соединение, и стала набирать номер Питера.

У Питера был большой старый дом с огромным количеством комнат, одну из которых сделали офисом. Питер, слава Богу, все необходимое схватывал на лету.

– Могу я оставить все это на тебя? Да, вернусь через несколько дней, подробности в деле. Отлично, спасибо, увидимся на следующей неделе, я буду с тобой в контакте. Отлично, пока.

Положив трубку, она посмотрела на Кила отсутствующим взглядом, перебирая в памяти все мелочи, которые могла упустить.

– Ну, теперь-то ты готова? – с сарказмом спросил он.

Глубоко вздохнув, она кивнула:

– По всей видимости, да.

Ей было очень не по себе. Чувство разлада и с Килом, и со всем миром не покидало ее все время, пока они ехали к нему. Она отчаянно напрягала память, тщетно стараясь восстановить события, предшествовавшие аварии. Потом она переключилась на воспоминания о Мадейре, но и они были в тумане. Как ей найти эту виллу на острове, сплошь усеянном подобными же домами? Ей на самом деле не следует ехать туда. Она не может позволить ему командовать собой. Зачем же тогда она едет с ним? Из чувства вины? Кил, конечно, был не прав, обвиняя ее в том, что она разрушила «дело» Кати, но она же и не помогла ей ни в чем. А ведь могла помочь, да

хотя бы проявить сочувствие. Может быть, она так упорно доказывала свою правоту потому, что в его словах была доля истины? Вся беда в том, что Катя и Дэвид вызывали в ней чувство досады: они всегда на полшага отставали от жизни! Вечно сидели и ждали подсказок, как им поступить, — для нее это было абсолютно чуждо, так же как для Кила. Так почему же он винил именно ее? Из чувства собственной вины? Она обернулась и взглянула на его чеканный профиль. Нет, глубоко вздохнула она, угрызения совести его мучить не будут, он уже выбрал мишень для них — ее, Жюстину.

Желая покрасоваться, он резко затормозил, так что гравий брызнул из-под колес. Жюстина посмотрела на него с презрением, но тут же отвернулась, встретив его холодный взгляд. Вылезая с его помощью из машины, она увидела перед собой забавный миниатюрный домик и не удержалась от смешка. Вот так штука! — подумала она. Кил — один из самых крупных мужчин, каких она знала, а его дом — такой маленький. Но тем не менее это не какая-то подделка, а настоящий дом, в стиле «Тюдор», наверное. Очень похоже на Кила — обладать, может быть, единственным в мире подлинником. Казалось, дом чуть-чуть накренился, и у нее слегка закружилась голова. Дверь распахнулась, и на пороге возникла средних лет женщина, круглая как мяч, с наскоро убранными в пучок седыми волосами. Пусть все идет своим чередом, решила Жюстина. У нее не было больше сил ни спорить, ни возражать.

– Как раз к обеду успели! – воскликнула толстуха довольным голосом. С участием взглянув на Жюстину, она взяла у Кила чемодан и провела их в дом. Чтобы войти в дверь, Килу пришлось нагнуться. Жюстина вновь удивилась тому, как человек такого роста может жить в таком крохотном домике. Она, как смогла, привела себя в порядок в небольшой туалетной комнате и вошла в столовую, где ее уже ожидал Кил. Положив загипсованную руку на стол, она выпила бульон. Затем изо всех сил попыталась воздать должное воздушному омлету, последовавшему за бульоном, но, проглотив несколько кусочков, отложила вилку.

– Наелась? – ровным голосом спросил Кил.

Она кивнула и поморщилась от нахлынувшей волны боли.

– Голова болит?

– Угу, и в глазах двоится, и рука разболелась. И вообще, я себя чувствую беспомощной, все меня раздражает. Я просто устала.

– Бедняжка Жюстина, – поддразнивая ее, с серьезным лицом проговорил он. – Мелли! – позвал он экономку и, когда та вкатилась в комнату, произнес: – Проводи Жюстину в ее комнату, хорошо? Она устала.

– Уж конечно, устала! – Реакция Мелли была бурной. – У нее же сотрясение мозга!

Ее слова удивили обоих, они переглянулись, и Жюстина могла бы поклясться, что на мгновение губы Кила дрогнули в улыбке.

– Пошли, милая, не обращайтесь на него внимания. Если бы у него самого была сломанная рука и сотрясение мозга, мы бы только и слышали, что его стоны.

– Иногда помощь приходит оттуда, откуда ее не ждешь, – тихо обронил Кил.

Жюстина кисло улыбнулась. Похоже, у него все-таки есть чувство юмора. Неловко выбравшись из-за стола, она последовала за Мелли по витой лесенке. Она была слишком утомлена, чтобы оценить обстановку и причудливость архитектуры дома. В глазах у нее двоилось, и с радостью и облегчением она вошла – наконец-то! – в спальню и без сил рухнула на кровать.

– Управитесь сами, дорогая?

– Да, благодарю вас. Я уже начала постигать искусство управляться одной рукой. – Это было не совсем верно, но проще сказать так, чем просить Мелли о помощи.

После того как добрая Мелли достала из чемодана ее ночную сорочку и халат и убралась восвояси, Жюстина еще некоторое время посидела, невидяще уставившись в стену, и только потом собралась с силами, чтобы раздеться. Ну и денек!

Она скинула туфли, кое-как вылезла из джинсов, бросила их на спинку стула. Самые большие трудности начались, когда дело дошло до свитера. Она никак не могла протащить через рукав свой гипс.

Ну, давай же, Жюстина! Сумела надеть, сумей и снять!

И она повалилась на кровать, оставив свитер свисать с руки. А стоит ли снимать лифчик, трусики и этот чертов свитер? Но лифчик больно давил на синяки и кровоподтеки, не дававшие о себе знать, когда она одевалась в больнице. Может, снять только его? В голове у нее все смешалось, разумно мыслить она была уже не в состоянии. Расстегнув наконец лифчик, она с досадой швырнула его на пол. Потом залезла под одеяло и почти мгновенно уснула. Жюстина не сразу поняла, что именно ее разбудило: то ли легкий шум, то ли ощущение, что кто-то смотрит на нее. Так или иначе, она с неохотой приоткрыла глаза и увидела рядом с собой Кила.

– Это вместо любимой игрушки? – почти приятным тоном спросил он.

– Что? – непонимающе нахмурилась она, и он кивнул головой на свитер, который она прижимала к груди. Взглянув на него, она усмехнулась: – Нет, я просто не смогла его снять.

Он протянул руку, и Жюстина неохотно села на кровати. Прикрывая наготу пуховым одеялом и свитером, она выставила вперед свою загипсованную руку.

С лукавинкой в глазах, отчего ей сразу захотелось ударить его, он легко освободил ее от свитера.

– Спасибо, – холодно сказала она.

– Не за что. Я пришел спросить, не хочешь ли ты позавтракать. Вчера за обедом ты почти ничего не ела.

– Да, спасибо. Я сейчас спущусь вниз, – пробормотала она. По какой-то необъяснимой причине она его стыдилась,

и это раздражало ее. Она никогда в жизни никого не стыдилась. Это, наверное, потому, что он находился в ее спальне, а она была практически голой.

– Сможешь сама справиться? – мягко спросил он, и ей почудилось, что он изо всех сил старается сдержать смех.

Она с подозрением посмотрела на него и кивнула:

– Да, спасибо.

– Отлично. Я скажу Мелли, что ты скоро спустишься к завтраку.

Он ушел, и Жюстина, проводив его глазами, задумалась. Что это нашло на него ни с того ни с сего? Он никогда раньше не предлагал ей помощь; за все три года, что она его знала, он даже не пытался быть с ней элементарно вежливым. Что же произошло теперь? Не находя ответа, она вылезла из кровати и направилась в ванную комнату.

С трудом умывшись и почистив зубы, она столкнулась с новой серьезной проблемой. Одной рукой она не могла ни заколоть свои волосы, ни завязать их сзади. От гипса были свободны только кончики пальцев, но даже при большом старании манипулировать ими было невозможно. Она не любила ходить с распущенными волосами, ей казалось, что они выглядят неопрятно, при малейшем движении разлетаясь в стороны, поскольку были довольно тонкими. Ей было совершенно невдомек, какой почти нестерпимый соблазн испытывали мужчины, которым выпадало счастье лицезреть ее волосы во всем их сияющем великолепии. Так везло, впрочем,

немногим – обычно она безжалостно собирала их в пучок, плотно прижатый шпильками к затылку. Вздохнув недовольно, она вернулась в спальню, и сразу же перед ней встала очередная проблема. Если расстегнуть лифчик одной рукой было сравнительно легко, то застегнуть его оказалось совершенно невозможно. В сердцах она запихнула его в чемодан и достала оттуда свободный свитер. Затем неуклюже влезла в джинсы, обулась в мягкие кожаные мокасины и стала спускаться вниз по витой лестнице. Она провела рукой по шероховатой оштукатуренной стене. Интересно, подумалось ей, сколько поколений живших здесь людей делали то же самое? Может быть, ее рука сейчас касается того самого места, которое трогала рука какой-нибудь дамы или джентльмена эпохи Тюдоров. Она слегка улыбнулась своей сентиментальности, столь ей несвойственной. Обыкновенно она была практичной, чуть приземленной девушкой, очень редко дающей волю своему воображению. Она вошла в холл и улыбнулась Мелли, которая с кофейником в руках шла, видимо, из кухни.

– Доброе утро, милая. Выспались? – И, не дожидаясь ответа, Мелли продолжила: – Слышала, как вы спускались. Как вы сегодня себя чувствуете?

– Спасибо, Мелли, неплохо, – ответила Жюстина с извиняющейся улыбкой, – простите, если вчера я была невежлива.

– Господь с вами! – воскликнула Мелли. – Вам ведь бы-

ло достаточно мерзко, так ведь? А с меня, между прочим, все как с гуся вода. По сравнению с хозяином все остальные просто ангелы.

– Благодарю за рекомендацию, – снисходительно изрек Кил, появляясь из столовой. – Как бы то ни было, Жюстину напрасно предостерегать – она уже имеет собственное мнение о том, что я собой представляю.

Нахально ухмыльнувшись, Мелли помахала перед его носом кофейником.

– Если вы хотите кофе, вот он перед вами.

– Он нужен мне вовсе не здесь, – раздельно, чуть ли не по слогам произнес он. Когда Мелли, скорчив гримасу, понесла кофейник в столовую, он обратился к Жюстине: – Как ты себя чувствуешь?

– Я в полном отчаянии, – сообщила она. – Только что выяснилось, что я не могу надеть почти ничего из того, что привезла. – Он вопросительно поднял брови, и она пояснила: – Не могу одной рукой управляться со всеми этими пуговицами, крючками и молниями.

– Ясно. – Он перевел взгляд с ее великолепных волос на грудь и усмехнулся, догадавшись, что на Жюстине нет лифчика. – Я мог бы предложить себя в качестве прислуги, только...

– Вот именно, – поспешно вымолвила она. Он и так выбил ее из колеи своим взглядом, а тут еще подобные шуточки! Это было уже выше ее сил. Она бочком обошла его с неопре-

деленной улыбкой на губах.

— Мне надо ненадолго уйти, — сказал Кил. — Чувствуй себя как дома.

Тебе нужно что-нибудь?

Не в силах удержаться, она улыбнулась ему и пошутила:

— Болиголов разве что? — (Он рассмеялся.) — Нет, спасибо, ничего не надо, — покачала она головой.

Медли поставила перед ней тарелку с яичницей и беконом, нарезанными на маленькие кусочки, как для ребенка. И Жюстина с жадностью набросилась на еду, при этом благодарно улыбаясь экономке. Покончив с яичницей, она налила себе кофе и, откинувшись на стуле, вернулась мыслями к Килу. Что он имел в виду, когда сказал, что у нее уже сложилось собственное мнение о нем? В словах его, казалось, был намек, что мнение это ошибочное. Задумчиво нахмурившись, она стала перебирать в памяти все, что знала о нем, а знала она очень мало, но что касается его высокомерия и властности — в этом сомневаться не приходилось. Хотя властность не такой уж и порок, решила она, если, конечно, не доходить до крайностей. Она и сама иногда любила бывать властной. Наверное, он, так же как и она, терпеть не мог дураков. И если уж быть до конца честной, сегодня утром он с ней был довольно любезен. Но на его любезности она должна отвечать тем же, а она вовсе не была уверена, что ей этого хочется. Да еще простить ему все оскорбления, нанесенные ей в больнице...

С другой стороны... Криво улыбнувшись, она бросила сахар в кофе. Они ведь даже могли стать друзьями, не начнись их знакомство на вечеринке в честь помолвки Дэвида и Кати так плохо. Да, с самого начала отношения между ними складывались отвратительно. С первых же минут тогда, на автостоянке за рестораном, они стали в ярости орать друг на друга. Его машина задом врезалась в ее автомобиль, и она вспылила, не ожидая объяснений, не дав ему сказать ни единого слова. Только потом она узнала от кого-то, что с холма без всякого присмотра катился на велосипеде ребенок и, если бы Кил не развернулся на полной скорости, ребенок бы погиб. Но тогда за своими воплями она ничего не поняла. Жюстина печально улыбнулась и отхлебнула кофе – вот с тех самых пор у них и началась вражда. Он считает ее бесчувственной эгоисткой, а она его – грубияном. Он даже не позволил ей извиниться, когда она узнала о ребенке, просто испепелил ее взглядом и отошел в сторону.

Она допила свой кофе и прошла в гостиную. Там она усеялась у двустворчатого окна, выходящего в сад, и огляделась. Ее внимание привлекли картины, развешанные по стенам. В основном старинные эстампы со сценками из жизни времен Тюдоров. Портреты людей с красивыми строгими лицами; их глаза светились мудростью иного времени, иной эпохи.

Жюстина улыбнулась вошедшей Мелли и сказала, указывая на картины:

– Какие они красивые!

– Конечно, красивые. Вечно ищет, где бы их купить. Рыскает по лавкам старьевщиков, по антикварам да по распродажам.

Жюстина попыталась представить себе предприимчивого Кила, копающегося в лавках старьевщиков, но так и не смогла.

– Это его хобби, – продолжала Мелли. – Прямо фанатик. Только услышит о какой-нибудь картине, так его и выдали! – Разговаривая, Мелли взбила диванные подушки и переставила цветы на каминной доске, видимо считая грехом оставаться без дела. Потом оправила кретоновое покрывало на софе и приглашающе похлопала по нему. – Ну-ка, дайте чуть-чуть отдохнуть своим ножкам. Насколько я знаю Кила, вам они еще пригодятся. Развеселившись, Жюстина приняла приглашение и легла.

– Хотите совет? – Медли остановилась в ногах софы.

– Судя по вашему тону, вы все равно его мне дадите, хочу я этого или нет, – ответила Жюстина с иронией.

– Уж конечно, – усмехнулась Медли. – Если хотите быть в целости и сохранности, не выводите его из себя. Иначе можете разбудить в нем тигра. И смотрите, не влюбитесь в него. Из этого все равно ничего хорошего не выйдет.

– Спасибо, Медли, – сухо сказала Жюстина. Улыбка сошла с ее лица. Постараюсь запомнить.

– Вы, наверное, думаете, что я шучу, да? А вот и не шучу. – Она отошла и начала поправлять и без того безупречно

висевшие картины. Проведя пальцем по полированным рамам, чтобы убедиться в отсутствии пыли на них, она добавила, тоном, прозвучавшим в высшей степени подозрительно: – Перевидала я их тут, знаете, и молодых девушек, виснувших на его шее, и женщин постарше, и простушек, и красавиц...

– Ну-ну, времени даром он не теряет, не так ли? – насмешливо воскликнула Жюстина, но под пронизательным взглядом Медли быстро сменила выражение лица.

– Можете смеяться, сколько хотите, но уж после мне не жалуйтесь.

– Не буду, – пообещала она, решив для себя, что обещание это ей будет легко сдержать. Перспектива, что она может влюбиться в Кила Линдстрема, представлялась ей маловероятной, а мысль обо всех этих женщинах, штабелями падающих у его ног, лишь развеселила ее.

– Смотрите, я вас предупредила, потом не жалуйтесь, – пророческим тоном поставила точку Медли и вышла из комнаты.

– Жаловаться не буду, – прошептала Жюстина.

Предостережения Мелли навели ее на размышления. Расслабившись на софе, она представила, какой была бы реакция Кила, вздумай она вдруг объясниться ему в безумной любви. Пришел бы в ужас, был бы потрясен или только позабавился бы? Улыбнувшись, она стала раздумывать над тем, что ему может нравиться в женщинах. До сих пор ни одной

не удалось завоевать это суровое сердце. А хотел ли он сам быть завоеванным? В больнице невозможно было даже заподозрить в нем способность к проявлению каких-либо человеческих чувств. Здесь же, в домашней обстановке, он как-то расслабился, стал более мягким...

– Вспоминаешь что-нибудь забавное? – спросил объект ее мыслей, входя в комнату.

– Что? А, привет. Так, ничего особенного. Просто думала. А это что? спросила она, взглянув на сверток, который Кил бросил ей на колени.

– Разверни, и увидишь, – мягко сказал он, опускаясь на валик софы.

Она развернула сверток и удивленно уставилась на содержимое. Дорогой вязаный хлопчатобумажный спортивный костюм бледно-лилового цвета. Она разложила его на коленях.

– Под цвет твоих глаз, – заметил он и удовлетворенно улыбнулся.

– Но почему? – в замешательстве спросила она.

– Потому что в нем нет всех этих молний, пуговиц и крючков, – терпеливо пояснил он, как будто это было самой простой вещью на свете, которую она, идиотка, никак не могла взять в толк.

– Но я не могу это принять.

– Почему?

– Да потому, – не совсем убедительно объяснила она.

– О, потрясающее объяснение, – насмешливо протянул Кил. – Рассматривай это как плату за оказанную мне помощь.

– Но я еще ничем не помогла, – призналась она откровенно. В глазах ее мелькнула тревога. – И крайне сомнительно, что я смогу это сделать. Ты все еще надеешься, что я вспомню, как только окажусь на Мадейре? А я ведь могу и не вспомнить.

– Ты обязательно вспомнишь.

– Но могу и не вспомнить! – с отчаянием вскрикнула Жюстина. – И почему ты такой упрямый? С тех пор как я была там, прошло десять лет... Пожав плечами, Кил лениво поднялся.

– Десять лет не такой большой срок.

– Может, и не большой, – беспомощно защищалась она, – если бы за это время я ничем больше не занималась. А у меня была масса дел. С тех пор я покаталась по свету. А о Мадейре у меня в памяти ничего не осталось, так, мешанина из каких-то образов и впечатлений.

Он пересел ближе к ней на софу и взял ее за руку. Какая она до смешного маленькая, подумалось Жюстине, в его огромной руке, такой теплой и, как ни странно, такой надежной.

– Ты моя последняя надежда, Жюстина. Я понимаю, что требую многого, но тот заказ на яхту нам просто необходим. Я тебя прошу только попытаться мне помочь.

Плечи ее устало опустились. Она кивнула в знак согласия. Честно говоря, уверенности, что из этой затеи что-то выйдет, у нее не было.

– Минут через десять поедem. Мельчи упакует твой чемодан, а ты пока отдохни. – Он взял спортивный костюм с ее колен, поднялся и вышел из комнаты.

Оставшись наедине со своими мыслями, она постаралась сосредоточиться. Из глубины памяти всплыли банановые плантации и потухший вулкан, но это было практически все, если не считать того, что местность кругом была довольно гористой. Помнила она и столицу острова – Фуншал, но та вилла находилась где-то в другом месте. Она удрученно вздохнула и вновь вытянулась на подушках. Она слышала, как Кил переговаривается на кухне с Медли, слов она не разбирала. Все-таки странный он человек. То готов ей в глотку вцепиться, то делает подарки.

В дверь позвонили, и она с любопытством повернула голову, обрадовавшись, что ее отвлекли от тревожных мыслей. Она услышала, как Кил с каким-то отчаянием повысил голос, а потом узнала и Катины плаксивые нотки. О Господи, ей только Катиных рыданий не хватало! Хотя не очень-то милосердно с ее стороны так думать. Да, Жюстина, тот удар по темечку, полученный в автокатастрофе, ни на йоту не изменил твой характер.

Дверь открылась, на мгновение Жюстина напряглась, но сразу же снова расслабилась. Споры с Катей ни к чему хоро-

шему не приведут, только голова разболится.

Осторожно взглянув на невысокую темноволосую молодую женщину, она поздоровалась с ней:

– Привет, Катя.

Кил стоял позади сестры, положив свою большую руку ей на плечо. Губы Кати были недовольно надуты, глаза блестели от гнева и от слез.

– Что ты сделала с Дэвидом? – без обиняков приступила она к вопросам.

– Где он?

– Я не знаю, – устало ответила Жюстина. – Поверь, Катя, я бы тебе сказала, если б знала.

– Уж конечно, так бы ты и сказала! – огрызнулась та. Сбросив с плеча руку Кила, она вошла в комнату. – Он так и говорил: не стоит спрашивать Жюстину, она все равно ничего не скажет.

Какого черта Дэвиду понадобилось говорить такое? – мрачно подумала Жюстина. Это на него похоже – сам попал в переплет да еще и ее втягивает.

– Я ничего не говорю, потому что не знаю, – пояснила она как можно более терпеливо. – Я ничего не помню.

– Ты и так ничего бы не сказала. Ладно, я тоже поеду на Мадейру...

– Нет, ты этого не сделаешь, – поспешно вставил Кил. – Ты останешься здесь.

– Нет! – завопила она, поворачиваясь к нему всем телом. –

Он мой. Ты думаешь, он будет жить с ней и это сойдет ей с рук? Нет уж. Он мой, и этой... этой женщине он не достанется. Он тебе никогда не нравился, ты всегда не одобрял, что я вышла за него замуж...

– Это неправда...

– Нет! Это правда. Он тебе не нравится. Ты считаешь его ленивым, глупым...

– Я никогда этого не говорил! – Схватив Катю за плечи. Кил решительно вывел ее из комнаты. Жюстина слышала ее слезливые упреки и его рубленые ответы, долетавшие из кухни.

Когда он вернулся в гостиную, лицо его было таким жестким, как тогда в больнице, когда он допрашивал ее. Жюстина вздохнула. И это называется улучшением в их отношениях.

– Она не права, – тихо произнесла она. – Я по-родственному привязана к Дэвиду, но не более. Не могу понять, почему он представляет все в ином свете. – Она внимательно посмотрела на Кила и, заметив, что выражение его лица несколько не смягчилось, вздохнула в отчаянии. Он глядел на нее так, будто изучал под микроскопом, и это ее задевало.

– Едем, – резко бросил он. – Медли уже отнесла вещи в машину. Паспорт у тебя с собой?

– Да. – Она встала и вслед за ним направилась к автомобилю.

До аэропорта Хитроу они доехали в полном молчании. Жюстине не хотелось разговаривать, а уж Кил и подавно не

собирался вести светские беседы. Он поставил машину на стоянку для длительной парковки, достал оба чемодана и огромными шагами пошел к зданию аэропорта. Ей оставалось только догонять его. Она поправила сумочку на плече, положила сверху паспорт и поспешила за ним, стараясь не терять из виду его высокую фигуру. Он ни разу не оглянулся на нее, и она скорчила гримасу. Какие мы самоуверенные, уж потом-то, когда мы найдем Дэвида – если, конечно, это нам удастся – и разберемся во всей этой путанице, тебе, мой дорогой, еще придется извиниться передо мной.

Они вошли в зал отправления. Тут как раз объявили их рейс, и только тогда, словно вспомнив вдруг о ее существовании, он остановился. Взглянув в ее застывшее лицо, он протяжно вздохнул.

– Ну, соберись, – ободрил он ее усталым голосом. – Ты сама виновата.

Надо было оставить Дэвида в покое.

– Да не трогала я его! Сколько раз повторять одно и то же? Если бы я захотела завести роман, то для этой цели выбрала бы кого-нибудь другого, но только не собственного двоюродного брата!

Не обращая внимания на ее тираду, он подтолкнул ее к трапу. Жюстина улыбнулась стюардессе и села в кресло у окна. Он устроился рядом, и Жюстина устремила в окно невидящий взор. Она почувствовала себя несчастной и обиженной. Присутствие этого могучего человека действовало

на нее. Его руки спокойно лежали на коленях, находившихся чересчур близко от ее собственных. Она демонстративно убрала ноги подальше от него и вздохнула. И с какой стати жизнь ее так осложнилась? Когда он наклонился над ней, она отпрянула.

– О Господи! – прорычал Кил. Лицо его было так близко, что она ясно видела каждую золотистую ресничку отдельно. – Я только хотел застегнуть твой ремень.

– А, ну хорошо, – пробормотала она, чувствуя себя полной идиоткой.

– И перестань дуться.

– Я не дуюсь. Просто мне не нравится, когда меня в чем-то обвиняют, а я не могу доказать обратное. Мне не по себе, рука болит, да и вообще хочется побыть одной, – добавила она с детской беспомощностью. – Меня тащат куда-то против моей воли, я даже не смогла закончить свои дела, только и успела, что сделать один-единственный звонок... – Она сердито повернулась к нему, услышав его фыркание, подозрительно смахивающее на смех. – И если ты опять начнешь умствовать, я тебя ударю! Ничто так не раздражает, как умничанье как раз тогда, когда назревает скандал. Да еще слышать это все от человека, обвиняющего тебя в том, что ты разрушила чужую семью!

– Тебе хочется скандала? – шутливо спросил он.

– Нет, я слишком устала. А что? Если бы мне этого хотелось, ты пошел бы мне навстречу?

– По всей вероятности, нет. Я, как и ты, люблю иногда поупрямиться.

– Только иногда? – изумилась она. У нее сложилось другое впечатление.

– Угу, только иногда. Скажи, что ты имела в виду, когда сказала, что Дэвид рисовал? – спросил он. – Ты говорила, что именно поэтому он и жил на той вилле.

Сдерживая свое дурное настроение, она пожала плечами.

– Я не уверена, продолжает ли он рисовать сейчас, но раньше занимался этим довольно много. Большей частью морские пейзажи – он любил море, но, как ни странно, ему не нравилось кататься на лодке. Он хорошо рисовал, вспоминала Жюстина. – Это было единственное, в чем он преуспел. Всегда грустно, – тихо произнесла она, скорее размышляя вслух, – когда Бог дарует людям талант, а они зарывают его в землю.

– Угу, а какой талант Бог дал тебе? – спросил Кил с насмешкой в голосе.

– Мне? Понятия не имею. – Ее глаза хитро сверкнули, и она с вызовом взглянула на него из-под ресниц. – Я просто свожу с ума мужчин.

Она думала, что он примет ее игру и рассмеется, но он и не собирался смеяться. Он отвернулся, откинулся в кресле и закрыл глаза. Она озадаченно стала смотреть в окно. Лицо ее посерьезнело. Насколько ей было известно, она никого еще в своей жизни с ума не свела, да она наверняка была на такое

не способна. Однако Кил, видимо, понял ее слова превратно. Он, наверное, решил, что она говорила о Дэвиде. От такой мысли она пришла в ужас. А, ладно, она слишком устала, чтобы вновь углубляться во все это. Она тоже откинулась на сиденье и закрыла глаза.

Когда самолет приземлился и пассажиры направились к выходу, Жюстина заметила прощальную улыбку, которой стюардесса наградила Кила. Во время полета она только и делала, что улыбалась ему. Непомерное число раз она спрашивала, удобно ли ему и не нужно ли ему чего-либо. Проходя мимо нее, Жюстина громко фыркнула, и стюардесса изумленно на нее посмотрела. Жюстина усмехнулась: зелен виноград, подумала она про себя, – она уже ревнует его, причем не имея на это никаких моральных прав. А если бы она сама почаще ему улыбалась, то наверняка в ответ получила бы такую же улыбку, как те, что он расточал этой девушке. А впрочем, нужны ли ей его улыбки? На последней ступеньке трапа Жюстина споткнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.